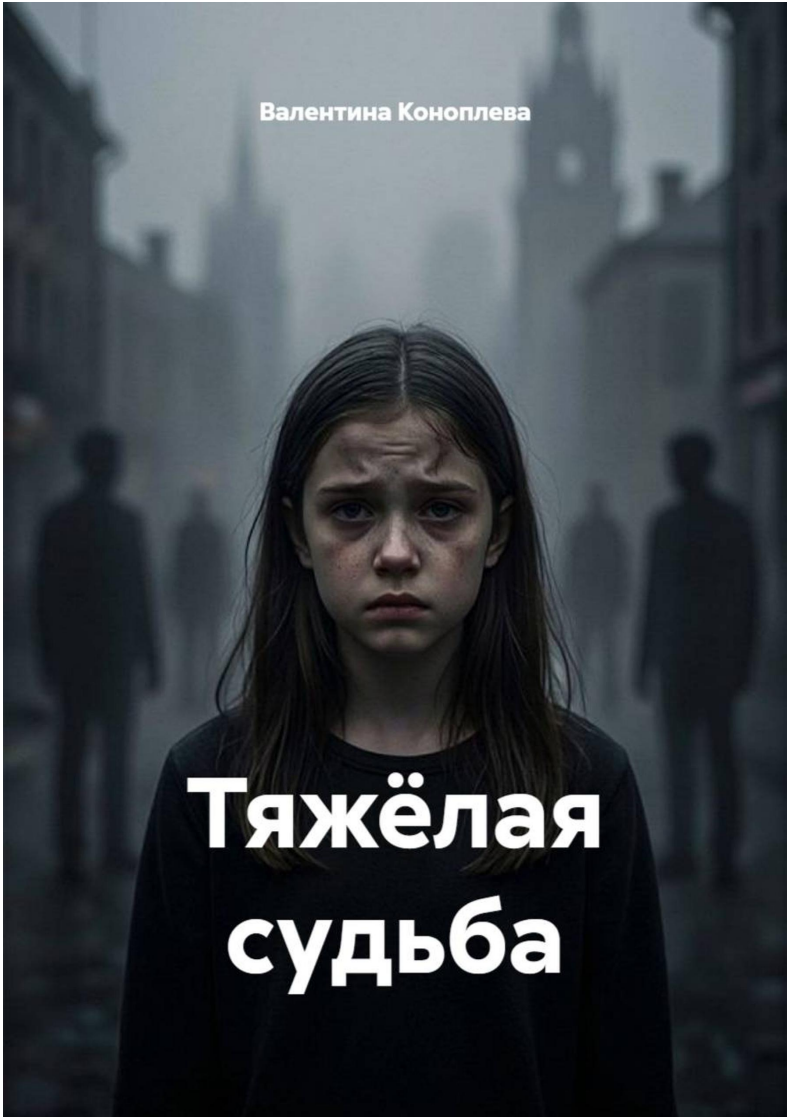
Валентина Коноплева

Тяжёлая судьба

Валентина Коноплева
Тяжёлая судьба

https://litres.ru/74804734
SelfPub; 2026

Аннотация

«Штрихи бытия» — пронзительная история о детстве, полном лишений, и внутренней силе, способной преодолеть самые тяжёлые обстоятельства.

Главная героиня с ранних лет учится читать «язык» своего дома.

Девочка растёт в бедной семье, переехавшие из Узбекистана в Россию в 1997 году: по пути у родителей украли деньги и документы, из-за чего они так и не смогли наладить жизнь на новом месте. Отец занимается рыбалкой и заготовкой дров, мать временами выходит на работу, но всё чаще ищет утешение в алкоголе. Из-за этого каждый праздник, особенно Новый год, превращается для семьи в испытание: крики, драки, страх.

Сквозь будничную борьбу за выживание — поиск еды на свалке, сбор чермета, работу в теплицах и на полях — проступает внутренний мир героини: её умение притворяться спокойной, когда внутри всё дрожит, и хрупкая надежда, которую она бережёт как сокровище. Молчаливой собеседницей девочки становится старая кукла с пустым глазом: ей доверяют то, что нельзя сказать вслух.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 8
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Валентина Коноплева
Тяжёлая судьба

Глава 1

Я научилась считать звуки. Не числа , как дети в школе, а те мелкие штрихи бытия, которые помогали мне ориентироваться в доме, где слова часто были обманчивее тишины. Стук в окно ранним утром - пришла старая соседка, мамина подруга, значит мать сегодня будет пить. Состояние стресса на весь день. Скрип пустых пластиковых бутылей, значит нужно идти на конец села за водой, или если повезёт, набрать у соседа из скважины. Эти сигнальные звуки становились картой, по которой я знала, приблизительный план дня и чем закончится этот день.

Я держу в памяти одну куклу - с одной половинкой губы, где резинка давно сползла, с пустым глазом, в котором можно было увидеть собственное отражение. Когда я была маленькой, я думала что починка куклы - это магия: если я аккуратно зашью трещину и подклею глаз, то вернётся и то, что утеряно в доме. Мне казалось, что вещи можно сшить обратно вместе, и тогда люди вокруг станут такими же целыми. Я шила иногда ночью при свете маленького фонарика, а швы выходили неровные, как ответы взрослых на мои вопросы.

Было холодно в те годы не только на улице. Комнаты казались наполненными незавершёнными разговорами и паузами, которые весили тяжелее любых слов.Я научилась распознавать эти паузы: в них скрывалось решение, от которого зависело наше завтра. В эти паузы мне не давали места - я прятала себя между полом и кроватью, между гладью скатерти и тенью на стене или забиралась в шифоньер, и считала, что так безопаснее.

Иногда память приносит обрывки: запах алкоголя от матери, когда она целует меня перед сном, железный вкус страха, когда отец приходит с работы и они с мамой начинают ругаться, а часто и драться. Эти образы приходят без предупреждения, как мелкие молнии - яркие и обжигающие, и после них остаётся долгий, тихий послешум.

В детстве я часто мечтала, это помогало мне отвлечься от страшной реальности. Примерно в 3 километрах от дома было водохранилище, дорога к нему через степь, траву и колючки. Когда мне было совсем плохо я шла туда и обратно, и всю дорогу мечтала. Мечты мои были о разном: вот я иду и нахожу чемодан с деньгами, или у меня появился талант и я стала красиво петь, и меня пригласили выступать на сцене. Каждая мечта заканчивалась тем что я закодировала родителей и мы живём счастливо.

Я выучила искусство притворства раньше, чем буквы. Когда кто-то спрашивал "Как дела?" я улыбалась ровно, как вырезанная кукла. Мне удавалось так перевести плечи, что бы

ни кто не заметил, что внутри всё напряженно как канат. Это было удобной формой защиты: если ни кто не видел, значит ни чего и нет. Но тишина оставалась внутри, и она иногда становилась такой громкой, что заглушала всё вокруг.

Самое ясное воспоминание - не шум и не запах, а праздник. Новый год всегда вызывал у меня сильный страх, стресс. Ни один Новый год не обходился без драки, между отцом и матерью. Но, была маленькая радость и немного надежды, что кто-то из приглашённых людей принесёт что то вкусное. За всё своё детство я ни разу не получала подарки, ни на День рождения, ни на Новый год, остальные праздники вообще были обычным днём. Я накрывалась одеялом и тихо рыдала, проклиная судьбу, бога, родителей. Там я могла заплакать без свидетелей. Иногда, когда плачь не помогал, я шептала кукле то, чего не могла сказать маме. И кукла слушала. Её безмолвие было ближе и безопаснее, чем любое человеческое слово.

Папа иногда приходил с печеньем "Орешки со сгущёнкой" - редкий праздник,короткий и яркий как лампочка. В такие вечера, в зале на минуту становилось так светло, тепло, уютно. Мы сидели всей семьёй, будто в театре, где все знают свои роли. Я тогда верила, что мир может быть таким простым и добрым. На утро всё возвращалось на свои места, и я снова училась быть сильной, и ответственной за всё, и за всех.

Я не помню, кто впервые научил меня тому слову, что зву-

чало в доме часто и тяжело - "нужно". Оно вставало между людьми как стена: нужно заплатить, нужно потерпеть, нужно не задавать лишних вопросов. "Нужно" означало закрыть рот, согнуть спину и двигаться дальше. Это слово прочно въелось в меня и стало регулятором моих поступков - с ним я жила, как с тем, что нельзя изменить.

Иногда я представляла себе, что где-то есть место, где можно не бояться быть не удобной, где можно позволить себе плакать без извинений. Но представить - одно, а позволить - другое. Позволить означало рискнуть тем внутренним пустым глазом куклы, который мог вдруг не починиться никем и никогда. Лучше было прятать боль, чем показывать её прохожим.

Об этом я и думаю сейчас, когда снова рисую на бумаге лицо моей куклы: акварелью, тонкими линиями, я пытаюсь отдать форму тому, что не вмещается в слова. И каждый штрих - как шаг по старой карте, где я учусь различать маршруты: те, что ведут к спрятанному спокойствию, и те, что возвращают в знакомую, но тяжёлую тень. Я не знаю, куда поведёт меня следующий поворот, но знаю одно: если я начну рассказывать - даже первым лицом, даже на бумаге - уже кто-то услышит. И может быть, этого слышания мне и не хватало всё детство.

Глава 2

К семи утра дом уже не спал — он просто притворялся, что ещё можно полежать. Но я знала: тишина здесь не про отдых, она про ожидание беды. Я лежала, уткнувшись носом в край одеяла, и слушала. Скрипнула половица — отец прошёл на кухню. Потом звякнула крышка чайника, и следом раздался глухой стук — это он поставил банку на стол слишком резко. Такой звук означал, что настроение у него уже испорчено, а день ещё даже не начался.Я не шевелилась. Рядом, прижавшись ко мне, тихо дышали младшие сёстры — Вика, Ева и Оксана. Самой старшей из них было девять, младшей — три. Они ещё не научились читать звуки, как я. Для них утро было просто утром. А для меня оно было картой, по которой нужно было проложить безопасный маршрут: встать, умыться, собрать их, накормить, спрятать от криков, а потом успеть сделать всё остальное.

Сегодня маршрут был особенно сложным. Вчера мать сказала: «Нужно, чтобы к обеду было хоть что-то горячее». Это «нужно» повисло в воздухе, как тяжёлый занавес. Оно не обещало еды, оно обещало вину, если еды не будет. В такие дни, когда дома совсем не чего было кушать, она писала записку и отправляла меня к соседям. В записке обычно была просьба об одолжении крупы или картошки.Я выбралась из кровати, стараясь не разбудить сестёр. На полу лежали ста-

рые тряпки — из них я сделала им подобие матрасов. В комнате пахло сыростью и пылью, но это был привычный запах, почти родной. Он не пугал. Пугали другие запахи — резкие, чужие, те, что появлялись, когда родители выпивали.На кухне отец сидел за столом, перед ним стояла чашка остывшего чая. Он не смотрел на меня, и это было хорошо. Когда он не смотрит — он не замечает.— Я пойду за водой, — тихо сказала я, будто извиняясь за то, что вообще существую.Он кивнул, не поднимая головы. Этот кивок стоил мне спокойствия на полчаса.

Пластиковая бутыль стояла у двери. Она была почти пустой, и от этого становилось тревожно. Если воды не хватит, придётся идти дважды. А дважды — значит, дважды проходить мимо дома, где соседи могут окликнуть, спросить, почему я одна, почему опять тащу эту бутыль. И тогда придётся улыбаться ровно, как вырезанная кукла, и говорить: «Всё в порядке».

Дорога за водой к соседу была не долгой, в 500 метрах от дома. По пути я старалась не смотреть на свалку — она манила и пугала одновременно. Но сегодня взгляд сам тянулся туда. Потому что «хоть что-то» могло быть именно там.Свалку было видно с заднего двора, она была на пустыре, в пару километрах от дома — груды старых вещей, ржавые кастрюли, мешки с мусором, коробки, которые вывозили с магазина, в них можно было найти обломки печенья. Здесь пахло гнилью и металлом, но для меня это место было не просто помойкой.

Это была карта возможностей.Я шла вдоль края, внимательно глядя под ноги. Иногда среди мусора попадались банки с закатками — кто-то выбросил, а для нас это был ужин. Однажды я нашла стеклянную банку с вареньем — крышка была чуть вздута, но я всё равно забрала. Дома мы аккуратно сняли верхний слой, а остальное съели, запивая кипятком. Это был праздник.Сегодня мне повезло меньше. Я нашла только старую кастрюлю без ручки и несколько смятых жестянок. Но жестянки и кастрюля — это чермет. Его можно сдать. Не много, но хоть что-то. Я сложила их в пакет, который носила с собой специально для таких находок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.